

Сорокин Вячеслав Николаевич

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/23.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 11 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 71-73. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

США выделили ей 313 млн. долл. через американское Агентство международного развития и 88 млн. долл. через Фонд ООН. В 2006 г. США заложили в бюджет предоставление помощи автономии в размере 234 млн. долл. Что касается других государств, то, к примеру, Канада выделила палестинцам в 2005 г. 20,5 млн. долл., Япония - 50 млн. долл., арабские страны - 67 млн. долл., Китай - чуть больше 6 млн. долл.

В «Дорожной карте» верно замечено, что решение палестино-израильского конфликта, основанное на принципе мирного сосуществования двух государств, будет достигнуто только через прекращение насилия и терроризма, когда палестинский народ будет иметь руководство, решительно действующее против террора, желающее и способное на практике установить демократию, основанную на терпимости и свободе, через готовность Израиля сделать все необходимое для создания демократического палестинского государства, а также через четкое и недвусмысленное принятие обеими сторонами этой цели урегулирования путем переговоров.

На наш взгляд, решение палестино-израильского конфликта возможно следующим путем. Во-первых, необходимо ввести миротворческие войска ООН на территорию Палестины и приграничные территории с Израилем, в дальнейшем полностью разоружить террористическую группировку ХАМАС, и поддерживать мир и безопасность в данном регионе, в первое время, посредством миротворцев.

Во-вторых, провозглашение палестинского государства с постоянными границами. В последние годы израильское руководство не раз заявляло, что готово отдать Палестине сектор Газа и земли на Западном берегу реки Иордан, а также предоставить коридор между Газой и Западным берегом, то есть полностью восстановить карту 1967 г.

В-третьих, репатриировать палестинских беженцев на ту территорию, которую Израиль готов предоставить Палестине.

В-четвертых, превращение Иерусалима в культурно-религиозный центр, что позволит раз и навсегда поставить точку в проблеме раздела города, который является священным и для христиан, и для иудеев, и для мусульман.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

Сорокин Вячеслав Николаевич

Рязанский заочный институт (филиал)

Московского государственного университета культуры и искусств

Немецкая классическая эстетика XVIII-XIX вв. - важнейший этап в развитии мировой эстетической мысли. Наиболее выдающимися ее представителями были И. Кант, Ф. Шиллер, Г. В. Ф. Гегель, Л. Фейербах. Их главной заслугой является понимание эстетической науки как органичной и необходимой части философии и включение ее в свои философские системы. Основоположителем немецкой классической эстетики был, конечно же, выдающийся философ И. Кант. А теоретическое наследие Г. В. Ф. Гегеля (1770-1831 гг.) явилось не только продолжением классической философии Канта, а стало, как бы, своеобразным ее итогом развития, в том числе, и немецкой классической эстетики.

Более того «если задаться вопросом, какой философ оказал наиболее сильное влияние на новейшую историю, то трудно пройти мимо Гегеля.

«Философия Гегеля - теологическая философия, или, скорее, философская теология. Для Гегеля предметом философии не является никто кроме Бога, и ему важно с самого начала поместить Бога на вершину философии».

«Эстетика» Гегеля состоит из введения, учения о прекрасном или идеале, учения о трех формах существования искусства и теории отдельных его видов (архитектуры, скульптуры, живописи, музыки, поэзии). Остановимся на тех страницах гегелевского сочинения, которые раскрывают природу искусства, специфику его общественного функционирования, противоречие идеологических и гуманистических тенденций в нем.

В своей «Эстетике» Гегель последовательно провел исторический принцип рассмотрения искусства, подчеркнув огромное социальное значение этого явления. Согласно его грандиозной по своему идейному богатству эстетической концепции искусство проходит три стадии, характеризующие изменение соотношения содержания и формы: символическую, классическую, романтическую.

Символическая форма искусства (которой соответствует искусство Древнего и отчасти средневекового Востока) - есть его начальная стадия. Ей предшествует так называемое «предыскусство», то есть басни, притчи, аллегории, дидактические поэмы. Символическая форма характеризуется тем, что в ней идейное содержание еще не обладает особой индивидуальностью, которая и является предпосылкой «идеала». Однако эта еще неясная идея не может найти адекватную форму выражения. Это приводит к символизму, который способен создать только «внешнюю среду» для идеи. Как следствие этого наблюдается отсутствие единства между содержанием и формой, более того ощущается преобладание формы над содержанием. Принципу символической формы искусства более всего соответствует, по мысли Гегеля, архитектура.

Классическая форма искусства включает в себя единство содержания и формы. Путь к этому единству отражен в борьбе старых и олимпийских богов античной Греции и в победе последних. Идея, получившая в образах классического искусства черты индивидуальности, выступает как идеал.

Эстетический идеал в классическом искусстве Греции порождает гармоническое единство содержания и формы, что получило наиболее полное выражение в античной классической скульптуре. Между тем, очеловечивание облика античных богов постепенно привело к умножению случайных черт в их реальном облике. Это, в свою очередь, стало причиной их гибели, как носителей классического идеала. Подобное разложение классического искусства и способствовало переходу к романтической его форме.

Романтическая форма искусства утверждала приоритет духовного содержания над чувственной формой. В свою очередь, изживание формы ведет и к самоуничтожению искусства, ибо оно по своей природе нуждается в чувственной форме. Романтической форме искусства по этапам восхождения к духовному соответствуют живопись, музыка, поэзия. Изложенная выше эволюция, по Гегелю, есть реализация искусством его основной социальной функции - познавательной, поскольку искусство есть форма самопознания абсолютной идеи.

«Именно искусство, - подчеркивал Гегель, - доводит до сознания истину в виде чувственного образа, который в самом своем явлении имеет высший, более глубокий смысл и значение»¹.

Все другие функции искусства в «Эстетике» Гегеля рассматриваются в зависимости от познавательной функции и потому не имеют самостоятельного значения. Обращение к абсолютному духу, в котором, якобы, искусство должно найти свою цель, показывает желание Гегеля увидеть прежде всего общечеловеческое содержание художественного творчества, его возможность быть одним из способов «... познания глубочайших человеческих интересов, всеобъемлющих истин духа»².

Наиболее полно познавательные возможности искусства, по Гегелю, выявляются тогда, когда общечеловеческое и классово-идеологическое в его содержании как бы сливаются в единстве чувственного и рационального, предметно-образной и идеальной формы. Это слияние он увидел в искусстве античности. Но Гегель был далек от абсолютизации искусства Древней Греции. Более того, он испытал сильное влияние романтической культуры своего времени.

Искусство как бы раздваивалось: его предметно-чувственное и духовно познавательное начала теряли между собой их первоначальную естественную связь. Первое уже не могло играть той роли, какую оно играло в искусстве древности. Человечество поднялось на слишком высокую ступень в рациональном познании мира. Но, поскольку духовное содержание ушло вперед, стало столь сложным, что не могло быть уже воплощено в адекватную чувственно-образную форму, познавательная функция искусства теряет и свое прежнее значение.

В самом искусстве, как средстве познания, начинают играть все большую роль философские, рационалистические структуры. Считая упадок искусства в индустриальную эпоху исторически неизбежным и разумным, Гегель оправдывал противоречия капиталистического развития. Он звал человечество навсегда примириться с условиями индустриальной цивилизации, которые он рассматривал как вечные, единственно разумные условия жизни.

По существу, Гегель подошел к мысли не о том, что искусство должно отмереть вообще, а о том, что его социальные функции коренным образом изменяются, идеологизируются и усложняются. Познавательная функция уже не может быть столь специфична искусству как на его первых двух исторических ступенях. Но далее, констатировал Гегель, искусство не соответствует более «духу времени». «Дух нашего современного мира, писал он в своей «Эстетике», - точнее говоря, дух нашей религии и нашей, основанной на разуме культуры, поднялся, по-видимому, выше той ступени, на которой искусство представляет собой высшую форму осознания абсолютного»³.

И хотя историчность и диалектичность мышления Гегеля подводили его к пониманию многофункциональности искусства, определяющим стало стремление видеть в искусстве лишь специфическое чувственное выражение некоего универсально-логического идеала. «Искусство имеет своей задачей, подчеркивал Гегель в «Лекциях по истории философии», - раскрыть истину в чувственной форме, в художественном оформлении». При этом исключалась возможность обнаружить прямую зависимость искусства от материальной жизни общества. Более того, по мысли Гегеля, общечеловеческие, гуманистические тенденции в содержании искусства вступают в противоречие с идеологическими нормами существовавших в тот исторический момент социальных отношений.

В своей «Эстетике» Гегель глубоко анализирует древнегреческую трагедию, скульптуру и архитектуру, средневековый эпос, византийскую живопись, искусство Ренессанса, классицизма, тем самым оказывая воздействие и на осмысление теории художественного творчества.

Огромное влияние оказала гегелевская эстетика и на современников великого философа. Это способствовало появлению новых имен, эстетических школ и направлений, в основном позитивистского плана. Неогегельянами называли себя К. Розенкранц, автор «Эстетики безобразного» (1835), А. Руге, написавший «Новую предварительную школу эстетики» (1837) и Ф. Г. Фишер, чей труд «Эстетика или наука прекрасного» представляет собой достаточно развернутое сочинение.

«Философия и эстетика Гегеля проникнуты убеждением в том, что по странной превратности мирового закона все хорошее должно погибнуть.

¹ Гегель, 1968, с. 109.

² Гегель, 1958, с. 33.

³ Гегель, 1968, с. 16.

Прогрессивное развитие может совершаться лишь за счет бесконечных жертв и народных бедствий, нищеты, подавления индивидуальности, драконовой дисциплины капитала, исчезновения всякой привлекательности труда, падения целых областей духовной культуры, каковы искусство и поэзия. Другого выхода, кроме примирения с этими отрицательными чертами прогресса Гегель не знает. Он требует от художника противоестественной любви к тем жизненным отношениям, которые, по его же собственному признанию, изгоняют всякую любовь».¹

Список использованной литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии: соч.: в 14 т. М., 1958. Т. 12.
2. Гегель Г. Ф. Ф. Эстетика. М., 1968. Т. 1.
3. Лифшиц М. Эстетика Гегеля и диалектический материализм: соб. соч.: в 3 т. М., 1976. Т. 2.

НАЦИОНАЛИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ
В 20-30-ЕЕ ГГ. ПРОШЛОГО ВЕКА

*Тебенко Вячеслав Александрович
Петрозаводский государственный университет*

Национализм в нашем понимании это не какая-то негативная направленность в отношении общества или государства в отношении национальностей или этносов, а принцип, по-которому, границы политические и экономические должны совпадать [Геллнер, 1991, с. 4]. Это создание единого политического тела-государства. При строительстве такого государства, где все его члены должны идентифицировать себя с одним народом или нацией, пусть и состоящей из нескольких народностей, этносов, необходима национальная консолидация, подразумевающая единство в культуре, языке, традициях, ценностях, идеалах и т.д. В Советском Союзе помимо всего прочего была задача построения национального государства, т.е. превращения огромного разноэтничного населения в единую нацию.

В 20-е в начале 30-х годов прошлого века базовыми ценностями советских людей провозглашались: построение социализма, бесклассового общества, интернационализма, мировой революции и прочее, а внимание национальному или этническому родству уделялось мало, грубо говоря, народы СССР не объявлялись единой семьей. В середине 30-х годов на смену интернационализму приходит советский патриотизм, а в дальнейшем, как считают некоторые ученые (Шнирельман, Вдовин) русский национализм. В предвоенные и военные годы этот процесс ещё более усиливается, идёт мобилизация всех патриотических чувств советских людей, путем культурного и идеологического влияния. Одним из способов такой мобилизации было построение общего исторического прошлого, где главными были героизм предков, совместная борьба с захватчиками родной земли, что должно было находить свое подтверждение в современной истории. Конечно, никуда не исчезали идеалы социализма, равенства, на которых мыслилось единство советского общества, но должна была появиться ещё какая-то, выражаясь современным языком, национальная идея, цементирующая всё советское общество, потому как коммунистические лозунги для этого не совсем подходили. Сталин поставил на первое место дружбу народов. Однако, в таком многоукладном и многонациональном обществе как советское, утвердить идеи братства непросто хотя бы потому, что ряд этносов были совершенно чужды друг другу (грузины-карелы-якуты). Естественной была идея общности, прежде всего, с русским народом. В самом деле, с русским соприкасались в той или иной степени культурно, экономически, географически все народы СССР. На первый план вышла идея совместного труда, быта, истории русского народа с другими народами союза. А в дальнейшем уже к концу войны эта идея переросла в тезис о «великом русском народе, старшем брате и защитнике». Что нашло своё отражение в исторической литературе, публицистике и агитационных материалах.

Попробуем проследить это явление на примере советских авторов, чьи работы были посвящены истории Карелии, карелам и вепсам. Разумеется, в условиях идеологического и что немаловажно культурного диктата, исторические сюжеты, демонстрирующие единство русских, карел, вепсов, общность исторического и героического прошлого, борьбы с другими народами, которые не входили в СССР. И здесь конечно не обошлось без изменений и «корректировок» в пользу построения единства карел и русских в прошлом, что, в общем, не отрицает существование этого единства и его влияния совместную жизнь русского и карельского народов. В исторической литературе эти изменения выявляются при сравнении научных трудов, изданных в разные годы, да и меняется постановка вопроса о взаимоотношениях русских, карел и других народов. В статье Егорова Русская летопись о карелах (1928) ставится цель показать, как карел изображали русские летописи, сделать выборку и дать точный текст, не делая каких-либо исторических очерков о карельском народе. По мнению Егорова, карел лучше помнят в северных летописях, новгородских. Для летописцев южных и суздальских это был совершенно чуждый и неведомый народ. Карелы представлены как слабый и не самостоятельный народ, который то враждует с емью, то участвует в конфликтах между Русью и шведами, принимая ту или иную сторону. В работе Егорова нет речи о героизме и дружбе между русскими и карелами.

¹ Лифшиц, 1976, с. 158.